

А́т а́т í àÿ èñòî ðèÿ

А. А. 1 èòàééî á

А́т èÿ Ñòàòáí а А́аòî ðèÿ в í î õî даõ 1580 - 1581 гг.

А́т а́т í î -èñòî ðè-áñéèá òàðàèòáðèñòèèè

ОБОРОНА Пскова от войск короля Стефана Батория в 1581-1582 гг. по праву считается одной из наиболее героических страниц в истории не только древнего русского города, издавна игравшего роль форпоста на западных границах русского государства и задолго до начала Ливонской войны стяжавшего громкую боевую славу. Еще Н. М. Карамзин писал в своей «Истории государства Российского»: «...То истина, что Псков или Шуйский спас Россию от величайшей опасности, и память сей важной заслуги не изгладится в нашей истории, доколе мы не утрагим любви к Отечеству и своего имени»¹.

Неудивительно поэтому, что более или менее подробное описание «Псковской обороны» содержится практически во всех исследованиях, посвященных Ливонской войне и правлению Ивана IV Грозного в целом. При этом, однако, большинство российских историков обходит стороной характеристику армии Стефана Батория, ограничиваясь одним лишь указанием на ее мощь². Между тем особенности польско-литовской армии, ее сильные и слабые стороны, безусловно, наложили свой отпечаток как на действия Батория под стенами Псковской крепости, так

и на ответные действия защитников города. Без анализа этих особенностей картина осады будет далеко не полной.

Прежде всего, следует отметить, что XVI в. вообще являлся периодом, когда в развитии военного дела в Европе происходили поистине кардинальные перемены, составившие один из этапов «военной революции». Бурное развитие ручного огнестрельного оружия привело к тому, что царить на поле боя стала вооруженная мушкетами пехота. Артиллерия обладала уже большой мощностью и превратилась в основное средство взятия и обороны крепостей. Менялась также и сама фортификация: возрастала роль земляных укреплений (бастионов), которые располагались таким образом, чтобы стоявшие на них пушечные батареи могли поддерживать друг друга огнем. Иной становилась тактика конницы, воины которой все активнее использовали пистолеты и карабины. Наконец, важной тенденцией периода стали рост численности войск и повышение требований к выучке, профессиональной подготовке воинов, что, в свою очередь, вело к широкому распространению наемных армий.

Правители Польши и Литвы, разумеется, осознавали значение происходивших в военном деле перемен и стремились, по мере сил, совершенствовать свои вооруженные силы, однако, в силу целого ряда политических, географических и военных причин, путь к реформам здесь был извилистым. Степень успешности этих реформ военные историки оценивают весьма по-разному. Так,

Михайлов Андрей Александрович – доктор исторических наук, зав. кафедрой истории С.-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, ведущий сотрудник Научно-исследовательского отдела Военной истории Северо-Западного региона РФ Института военной истории МО РФ

британский исследователь Дж. Паркер полагал, что польско-литовская армия «осталась в стороне от ключевых изменений, составлявших сердце военной революции», тогда как Р. Фрост, напротив, указывал на успешное освоение поляками и литовцами «военных новинок из Западной Европы»³.

К середине XVI в. польское правительство в случае крупных военных кампаний, так же как и ранее, прибегало к сбору ополчения дворян – «посполитого рушения» («*pospolite ruszenie*»). Помимо вассальной шляхты, «в рыцарских традициях» предпочитавшей кавалерийскую службу, в ополчение зачислялись крестьяне-драбы, которым надлежало исполнять роль пехоты. Последние, естественно, не имели военной подготовки, а потому на практике применялись в основном для вспомогательных работ: строили укрепления, перевозили грузы, заготавливали фураж и проч.

Яркое описание сбора «посполитого рушения» содержится в трактате, который был составлен французским вельможей Блезом де Виженером для принца Генриха Валуа, избранного в 1573 г. на польский престол. «Всякий дворянин, владеющий землями, поместьями, селами, местечками и замками, – пишет де Виженер, – безусловно обязан лично присутствовать в ополчении с таким количеством людей и лошадей, какое соответствует количеству извлекаемых ими доходов»⁴. Автор сообщает также, что дворяне обязаны регулярно участвовать в смотрах, а уклоняющиеся могут потерять свои владения.

Характеризуя вооружение и приемы боя дворян-ополченцев, Виженер пишет: «...Они всегда представляли легкую конницу, одетую в кольчуги и кафтаны из лосиной или буйволово́й кожи; главное оружие их составляет очень длинное копье, топор, булава и нож. Большинство из них, в особенности жители Литвы, Червоной Руси, Вольни и Подолии, употребляют сверх того турецкий лук и стрелы, которыми владеют с большим искусством; все же прочие, уроженцы великой и малой Польши и Пруссии уже освоились с пистолетами и карабинами. Во всяком случае они менее пригодны к пехотной службе, нежели к кавалерийской, а также менее способны к осаде или защите крепостей, чем к сражению в открытом поле.

Поэтому, когда польская конница имеет дело с неприятелем тяжело вооруженным, она никогда не вступает сразу в рукопашный бой, но старается непрерывными атаками своих летучих отрядов утомить и ослабить его и, если возможно, произвести беспорядок в неприятельских рядах. Напротив, в войнах с татарами, москвитянами и всяким другим неприятелем, употребляющим те же приемы, поляки поступают совсем наоборот и стараются как можно скорее перейти к холодному оружию, так как они лучше вооружены, лошади их крепче и сами они отважны, мужественны и непоколебимы»⁵.

Таким образом, «посполитое рушение» являлось по своей сути чисто феодальным военным институтом, отличалось пестротой вооружения и выучки. В течение XVI в., в условиях развития вооруженной мушкетерами пехоты, оно неуклонно утрачивало свое значение (в Польше – быстрее, в Литве – медленнее). Польские короли, так же как другие европейские монархи, все большее значение придавали наемной пехоте и кавалерии. Наемники, несомненно, являлись профессионалами в своем деле, но на их содержание требовались весьма значительные средства, а выделение таковых находилось в компетенции сейма и не могло быть произведено по решению одного лишь короля. Сейм же далеко не всегда был готов проявлять щедрость. Значительный недостаток наемных отрядов заключался также в том, что при малейшей задержке жалованья они могли отказаться нести службу, были склонны к грабежу и мародерству, особенно, когда их распускали после военных действий.

Неудивительно, что правительство Польши очень быстро осознало необходимость создания некоторого постоянного, а не собираемого только перед войной, контингента наемников. В 1563 г. собравшийся в Пиотркуве сейм утвердил предложение короля Сигизмунда II Августа о выделении $\frac{1}{4}$ доходов с королевских имений на содержание постоянного наемного войска. Так было положено начало коронному кварцярному войску («*wojsko kwarciarne*»), численность которого, однако, была невелика и, к тому же, подвержена значительным колебаниям. В 1569 г. в кварцярном войске числилось 3642 чел. (2892 конника и 750 пехотинцев), в 1576 г. –

1950 чел. (1650 конников и 300 пехотинцев). Здесь следует также отметить, что наемники вызвали немалое раздражение шляхты, которая, не без оснований, видела в них не только опасных чужаков, но и силу, которая могла быть использована королем для ограничения их привилегий и вольностей.

Другим нововведением короля Сигизмунда стал указ об унификации артиллерии, согласно которому следовало изготавливать пушки только семи определенных калибров. Следует заметить, что подобные законы были в то время приняты и в других западно-европейских государствах. «Правительства разных стран, – пишет по данному поводу А. Н. Кирпичников, – возвели типовое производство орудий на уровень государственного закона»⁶. Так, император Карл V еще в первой половине столетия пытался свести артиллерию к семи калибрам, а современник Сигизмунда, король Франции Карл IX издал в 1572 г. особый эдикт о приеме на вооружение исключительно пушек шести «образцовых» калибров. Правда, во всех названных случаях выполнить решение в полном объеме не удалось.

В результате, ко времени вступления С. Батория на престол Речи Посполитой (1576) ситуация в вооруженных силах страны оставалась весьма непростой, особенно в вопросах, связанных с их укомплектованием пехотой. Очевидец и хронист Ливонской войны Р. Гейденштейн писал по этому поводу: «Польша до сих пор не имела много пехоты по той причине, что почти вся шляхта служила в коннице и пренебрегала пешею службой, которая представляла больше труда и меньше блеска; потому вся наличная пехота, сколько ее было, состояла из городского и преимущественно рабочего совершенно неопытного в военном деле, и даже неспособного, вследствие привычки к городскому покою, переносить военные тяготы; иностранную же пехоту нельзя было содержать без огромных издержек»⁷. Польский автор XVI в. Анджей Лубенецкий дает соотечественникам-пехотинцам еще более негативную характеристику: «Польские пехотинцы более походили на шутов, нежели на рыцарей. Их одевали в клетчатое платье, сшитое из кусков сукна разных цветов... Оружием пехотинца

были: меч и алебарда, очень редко ружье... Пехотинцы не знали, как делались шанцы или туры»⁸. О плохом качестве польской пехоты писали также папский дипломат И. Руджиери и еще целый ряд современников. Между тем без хорошо обученной пехоты выиграть полевое сражение было сложно, а взять крепость – просто невозможно.

Стефан Баторий прекрасно осознавал сильные и слабые стороны вооруженных сил своей державы. За спиной у него был солидный военный опыт, приобретенный в сражениях с австрийцами и оппозиционной знатью, а также солидная теоретическая подготовка, полученная в Падуанском университете. Один из современников, виленский каштелян Я. Глебович, писал о Батории: «Особенно он опытен в военном деле. О чем бы ни начался разговор, он сводил его постоянно на военные вопросы»⁸.

Осуществляя подготовку к походу на Русь, Стефан Баторий провел несколько существенных преобразований в войске Речи Посполитой. Осознав типичную для того времени тенденцию разделения конницы на тяжелую и легкую, он смог упорядочить и активизировать этот процесс. В июне 1576 г. вышел королевский универсал, по которому началось формирование из шляхтичей подразделений тяжелых кавалеристов – гусар. Гусары предназначались для «таранных атак» в сомкнутом строю, но могли также и вести стрельбу из огнестрельного оружия. Все кавалеристы получали стандартизированный набор вооружения. Вот как описывает гусар Р. Гейденштейн: «Всадники, покрытые железным панцирем и шеломами, кроме копья, все были вооружены саблею, дротиком и двумя пищалями, прилаженными к седлам»⁹.

Роль легкой конницы по-прежнему выполняло шляхетское ополчение, но, по приказу короля, воины стали активнее использовать огнестрельное оружие: карабины и пистолеты. Кроме того, на службу стали привлекать казаков. В 1578 г. был сформирован казачий полк численностью в 500 чел., со своим знаменем и канцелярией. Интересное описание казаков того времени составил шляхтич Ян Красинский для Генриха Валуа: «Вооружены они (казаки. – А. М.) очень легко, совершенно так, как татары. Кони у них

очень подвижные и пригодные для мелких стычек. Седла устроены так, что на них легко поворачиваться во все стороны и стрелять из лука. В сражениях они пользуются более всего луком, поражая неприятельских всадников дождем стрел. Они снабжены также саблями восточного образца и короткими копьями»¹⁰. Казаки использовались прежде всего для разведывательных рейдов, несения караульной службы.

Попытался Баторий (хотя и с меньшим успехом) реорганизовать польскую пехоту. В 1578 г., по его предложению, Сейм утвердил план создания так называемой «пехоты выбранецкой» («piechota wybraniecka»), согласно которому в отряд (хоругвь) каждого воеводства полагалось записывать пехотинцев из крестьян королевских имений. «Повсюду, – пишет Р. Гейденштейн, – по областям были разосланы ротмистры и сотники отбирать самых крепких крестьян...»¹¹ Рекруты освобождались от повинностей и налогов, проходили трехмесячные военные сборы. Впрочем, вскоре выяснилось, что боевые качества вчерашних крестьян все же не очень высоки.

Недостаток национальной пехоты Баторий не без успеха пытался компенсировать привлечением в войско в более широких, нежели прежде, масштабах иностранных наемников, особенно немцев и венгров. Теперь их нанимали целыми «региментами» – полками в несколько сот человек. Здесь, однако, король сталкивался как с финансовыми проблемами, так и с противодействием шляхты, которая, как говорилось выше, относилась к наемникам с явной неприязнью. На сейме 1579 г. С. Баторию даже пришлось оправдываться перед депутатами за активное привлечение на службу наемников. При этом король вполне определенно заявил, что был вынужден пользоваться «услугами иноземных войск», так как «королевство, имея хорошую конницу, которая может не только поравняться с другими государствами, но даже превзойти их, не располагает достаточною пехотою»¹².

Впрочем, наряду с пешими наемниками, С. Баторий привлекал на службу и наемных немецких кавалеристов-рейтаров, которые в то время считались весьма грозной военной силой. Эти воины носили легкие доспехи (обычно один лишь нагрудник), ко-

жаные куртки и штаны, открытые шлемы. Главным оружием рейтаров были мечи и пистолеты, а излюбленным приемом – обстрел противника из пистолетов.

Немалое значение придавал С. Баторий также артиллерии. Р. Гейденштейн пишет, что в 1580 г., перед походом на Великие Луки, король приказал, чтобы «в Вильне отливали новые пушки *по его образцу* (выделено мной. – А.М.) и чинили старые»¹³. Помимо собственно орудий, король с большим вниманием относился к боеприпасам. Особые надежды он возлагал на «каленные ядра», т.е. на раскаленные металлические снаряды, которые использовались для поджога деревянных укреплений противника. Р. Гейденштейн даже приписывает (видимо, ошибочно) Баторию изобретение каленых ядер, а об их применении пишет следующее: «Ядра держатся на огне до тех пор, пока совершенно им не накалятся, и в таком виде опускаются в пушки – однако так, что между ними и пушечным порохом надлежащее пространство наполняется сперва песком или золою, потом свежее и влажною травой для того чтобы порох не мог загореться от раскаленного ядра, и в таком виде выбрасываются на предстоящие стены. Такие ядра, проникнув в дерево, дольше остаются незамеченными, и по этой причине не могут так легко, как огонь, быть потушены, а в силу того весьма действительны для возбуждения пожара»¹⁴.

Последнее замечание представляется весьма существенным. Излюбленными боеприпасами пушкарей того времени были снаряды, покрытые зажигательными смесями («огненные ядра»), но они в полете ярко пылали и, следовательно, легко могли быть замечены осажденными. Известно, что в 1577 г., при обороне Ревеля (Таллинна) от русских войск, его защитники сформировали особые команды, которые наблюдали за полетом и падением снарядов противника, обнаруживали «огненные ядра» и тушили их. Каленые ядра заметить было труднее. Однако у них имелся другой, весьма существенный, недостаток: заряжать пушку раскаленным ядром было крайне опасно и трудно, так как при малейшей небрежности от него мог вспыхнуть порох в стволе орудия.

Интересно, что использование каленых ядер описано также в русском «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки», который был составлен подьячим Онисимом Михайловым в начале XVII в., он, по мнению многих историков, содержал заимствования из «Воинской книги» немецкого стратега Л. Фронспергера, чрезвычайно популярной именно во времена Батория. Правда, в качестве материалов, предохраняющих порох от соприкосновения с раскаленным ядром, автор «Устава» предлагал использовать не золу с песком, а деревянный пыж, обмазанный глиной.¹⁵ Еще более позднее руководство – «Учение и практика артиллерии» саксонского артиллериста И.-З. Бухнера, составленное в конце XVII в., допускало использование в качестве пыжа дерна с травой, но лишь в случае крайней необходимости («во время нужды»)¹⁶.

Вообще же артиллеристы и военачальники конца XVI - XVII в. отзывались о каленых ядрах с большим пиететом, считая их чрезвычайно действенным оружием. Любопытен следующий факт: папский нунций в Польше В. Лаурео в 1578 г. писал в Рим, что, планируя поход на Смоленск и Полоцк, С. Баторий чуть ли не главным залогом победы считал использование осадной артиллерии и каленых ядер. «Король уверен, – говорится в письме, – в том, что он будет в состоянии в короткое время сжечь оные (крепости. – А.М.) с помощью артиллерии и раскаленных ядер, как это он сделал у маяка под Данцигом с некоторыми деревянными укреплениями, которые беспомощно сгорели»¹⁷.

К числу введенных С. Баторием новшеств необходимо также отнести учреждение полевых аптек и лазаретов, а также походных типографий, в которых весьма оперативно печатались «летучие листки» с информацией об одержанных победах и королевские распоряжения. Наконец, С. Баторий явно обладал талантом привлекать к выполнению различных задач способных и ярких людей. Его верным помощником стал выдающийся государственный деятель Ян Замойский, который, не будучи профессиональным военным, все же активно привлекался к исполнению военных поручений. Большую роль в организации походов на Русь сыграли венгерские аристокра-

ты братья Каспар и Габор (Гавриил) Бекешы. Баторий чрезвычайно ценил их и назначал на высокие посты, невзирая даже на то, что старший, Каспар, в прошлом выступал его конкурентом в борьбе за трансильванский престол.

В августе 1579 г. войска С. Батория смогли отбить у русских Полоцк. Осада велась по всем правилам военного искусства того времени. Королевские воины тянули к городу «шанцы» (траншеи), в которых укрывались от огня противника, сами обстреливали город из пушек, применяя, среди прочего, каленые ядра. Хотя в целом действия польско-литовской армии были успешны, возник целый ряд трудностей, которые не могли не насторожить руководителей королевской армии. Во-первых, несмотря на то, что артиллерийский обстрел велся довольно интенсивно, не удалось достаточно сильно разрушить укрепления силой только пушек. Пришлось произвести непосредственный штурм, во время которого солдаты поджигали деревянные стены русской крепости факелами. Такой штурм неизбежно был связан с большими потерями для нападавших, тем более, что защитники города весьма эффективно использовали самые простые средства обороны. Р. Гейденштейн, например, с большим «уважением» отзывается о бревнах, которые защитники сбрасывали со стен на врага¹⁸. Показательно также, что руководивший штурмом «факельщиков» К. Бекеш был вынужден уговаривать кавалеристов спешиться и присоединиться к пехотинцам, сил которых для победы в схватке оказалось недостаточно. Вторая проблема заключалась в том, что из-за распутицы и удаленности продовольственных баз армия осаждавших столкнулась с настоящим голодом. Наконец, в-третьих, много бед принесла плохая дисциплина разноплеменного и разнообразного по составу войска. Одним из ярких проявлений этого стали столкновения польских солдат с венграми, порой принимавшие характер вооруженных стычек. Жестокие противоречия возникли в среде высшего руководства армии, между отдельными вельможами и военачальниками, каждый из которых считал себя выше других. Так, занимавший в ту пору должность коронного гетмана Н. Мелецкий был крайне

раздражен вмешательством в военные дела Я. Замойского. Против Замойского интриговал также воевода Виленский Николай Радзивилл. Большая часть польской знати тяготилась также распоряжениями К. Бекеша, в котором видела выскочку-иноплеменника.

Многие солдаты, в традициях наемной армии, выходили из повиновения командирам, когда дело касалось воинской добычи. Правда, после взятия Полоцка Баторию удалось предотвратить массовые грабежи, раздав воинам подарки из собственных средств и наладив охрану пленных. Но при взятии в сентябре 1579 г. крепости Сокол войска учинили над гарнизоном и местными жителями жесточайшую расправу. Мародеры даже вспарывали трупы убитых, чтобы извлечь человеческий жир. По сообщению Р. Гейденштейна, этим варварским промыслом занимались все же не солдаты, а немецкие маркитантки, готовившие из жира какие-то лекарства. Однако позор, естественно, пал на всю армию, чем не преминул воспользоваться Иван Грозный, который осыпал Батория в своем послании гневными упреками.

Летом - осенью 1580 г. войска Батория совершили новый военный поход, в ходе которого захватили Велиж, Великие Луки, Остров и некоторые другие русские крепости. Король вновь добился несомненного военного успеха, но, как и во время осады Полоцка, успех этот сопровождался столь же несомненными трудностями. Перед началом экспедиции С. Баторий произвел новый наем венгерской пехоты, а также крупного отряда немецких рейтаров, которым командовал Георг Фаренсбек, типичный воин-наемник, являвшийся подлинным олицетворением своей эпохи и своего ремесла. Фаренсбек родился в дворянской семье в Эстонии, с 11 лет изучал военное дело в Швеции, Франции, Голландии и Германии, служил под знаменами различных государей, в том числе и в армии Ивана Грозного, благодаря чему хорошо представлял себе вооруженные силы Руси.

Несомненным успехом Батория стало также привлечение к походу целого ряда выдающихся польских военачальников, которые сами сформировали сильные отряды. Так, виленский каштелян Ян Кишка выставил отряд в 400 кавалеристов и 120 пехотинцев, от-

дельный отряд венгерской пехоты был сформирован Я. Замойским. Кроме того, Я. Замойский также детально разработал план движения войск и собрал большое количество необходимых войску припасов.

При осаде русских крепостей воины короля вновь активно использовали полевые фортификационные сооружения, копали шанцы, насыпали валы, ставили туры, сплетенные из прутьев и наполненные землей. Вновь производился активный обстрел крепостей из пушек. По свидетельству участника событий, польского шляхтича Луки Дзялынского, по Великим Лукам вели огонь около 30 осадных пушек, но, тем не менее, пришлось посылать солдат для поджога стен с помощью «огненного примета» (дров, серы, смолы и проч.), а также для их подрыва посредством пороха.¹⁹ Так же, как под стенами Полоцка, при штурме Великих Лук королевские командиры были вынуждены просить конников спешиться и помочь пехотинцам.

По сходной схеме проходила осада крепости Заволочье, располагавшейся на острове, в озере. Сначала поляки обстреливали ее из 8 осадных орудий, затем попытались высадить десант и поджечь стены в ходе приступа «огненным приметом». Интересно, что, по свидетельству Р. Гейденштейна, руководивший осадой Заволочья Я. Замойский приказал использовать для защиты саперов от ружейного огня особые мешки, которые изготавливались из конских попон и чепраков. Тем не менее первый штурм оказался в высшей степени неудачным. Осажденные отбили штурм, сделали вылазку и перебили саперов.

Во время завершающего штурма Заволочья кавалерия вновь действовала в пешем порядке, поддерживая пехоту. Р. Гейденштейн пишет по этому поводу: «Было очевидно, что пехота, сильно пострадав от непогоды (осада проходила в октябре. – А.М.)... не будет иметь достаточно мужества и сил; поэтому шляхта, согласившись между собою, слезши с коней стала требовать, чтобы ее вели к крепости. С нею же соединились, желая того же, и некоторые знатные немцы, служившие всадниками под началом Фаренсбека»²⁰. Сходный отзыв дает в своем дневнике непосредственный участник событий Л. Дзялынский: «...Вызва-

лось на приступ много ротмистров и почти вся шляхта»²¹.

Еще одно, весьма печальное, сходство событий 1580 г. с Полоцким походом 1579 г. заключается в том, что королю и его соратникам не удалось удержать войско от внутренних раздоров и грабежей в захваченных городах. Особенно жестокими были расправы над пленными в Великих Луках. «Наши, – пишет Дзялынський, – учинили позорное и великое убийство... Они не обращали ни на кого внимания и убивали как старых, так и молодых, женщин и детей. Начальники, не будучи в состоянии удерживать их, отъезжали прочь...»²² Желая смягчить впечатление от описанных событий, Дзялынський замечает, что побудительным мотивом расправы стало желание солдат отомстить за своих павших товарищей. Р. Гейденштейн обвиняет в резне исключительно венгров, а один из участников осады, Ян Зборовский, утверждает, что «большое убийство» произошло вследствие «какой-то ошибки»²³. Тем не менее даже польские авторы явно осуждают убийц.

Организация третьего похода, апогеем которого стала осада Пскова, проходила не просто. Король был вынужден изыскивать денежные средства и вести дипломатическую борьбу с противниками продолжения войны. Главным способом наращивания военной силы по-прежнему была дополнительная вербовка наемников. Баторий даже поручил Фаренсбеку нанять 2 тысячи воинов из далекой Шотландии, которых надлежало привезти по морю в Ригу. Сбор основных сил осуществлялся в специальном лагере под Дисною, а затем под Заволочьем. В их состав входили многочисленные отряды польской и литовской шляхты, наемники из самых разных стран, казаки и даже отдельный отряд литовских татар численностью в 600 чел. Р. Гейденштейн особо отмечает крупный отряд пехоты под командованием Уровецкого, который был набран «из одних только шляхтичей»²⁴. Данное свидетельство очень интересно. Служба дворян в пехоте, как говорилось выше, было явлением нетипичным и само по себе предполагало наличие некоего значительного стимула: надежда на добычу, высокое жалование и проч. С другой стороны, появление такого отряда является еще одним свидетель-

ством стремления короля усилить пешую часть войска.

Немало мер направил Баторий и на укрепление дисциплины. В начале августа 1581 г. он составил особые правила («артикулы»), которые затем зачитали армии. Этот интереснейший документ сохранился до наших дней и приведен, в частности, в дневнике ксендза С. Пиотровского²⁵. Во время похода каждому отряду предписывалось передвигаться по установленному маршруту, в определенном порядке, не смешиваясь с другими отрядами. На привале каждый отряд также должен был занимать свое место. Всем воинам строжайше запрещалось самовольно отбирать имущество у местного населения, нападать на него и наносить какие-либо обиды. Строгие наказания налагались за воровство, пьянство, нарушения приказов, ссоры и поединки, азартную игру на оружие и обмундирование. Устанавливалась система паролей и подаваемых трубой сигналов («лозунгов»). Из войска изгонялись «женщины дурного поведения», что выглядит весьма решительным шагом, если учесть, что в описываемые времена за армиями следовали целые обозы «гулящих девиц» и маркитанток.

Следить за порядком в войска полагалось генеральному профосу, которого наделяли правом «брать виновных, какой бы нации или отряда они ни были»²⁶. В данном положении артикулов явно прослеживается стремление С. Батория покончить с внутриармейским «сепаратизмом», когда члены какого-либо отряда считали необходимым подчиняться лишь своим командирам, игнорируя порядки, установленные высшим командованием. Впрочем, С. Баторий был все же вынужден считаться с «вольнoлюбием» своих приближенных, а потому артикулы, прежде чем зачитывать их войска, вынесли на обсуждение ротмистров, т.е. лиц, командовавших крупными отрядами. Мнение ротмистров королю докладывал командир гусарской роты Станислав Пржиемский, который, кстати, был близким знакомым и автора знаменитого дневника Станислава Пиотровского, и его покровителя Анджея Опалинского. Приняв артикулы в целом, ротмистры просили отменить статью, запрещавшую самовольные отъезды из войска (они настаивали на

том, что в случае отъезда короля войны тоже могут разъехаться) и подняли вопрос о скорейшей оплате службы. Королю пришлось согласиться с этими требованиями.

Однако поддерживать соблюдение артикулов оказалось гораздо труднее, чем их принять. 10 августа 1581 г. документ зачитывали ротмистрам, а уже 13 августа, по сообщению Пиотровского, произошло столкновение Я. Замойского, которого король назначил гетманом (т.е. главнокомандующим), с надворным маршалком А. Зборовским, взявшим под защиту своего кавалериста-мародера. В результате кавалерист не был казнен, как того требовала статья артикула²⁷. Установленные порядки нарушали также и отдельные шляхтичи, солдаты-наемники, старшие и младшие начальники.

21 августа 1581 г., после трехдневной осады, войска Батория смогли захватить город Остров. Решающую роль на этот раз сыграла артиллерия. Размещенные в шанцах пушки разрушили своим огнем каменную стену города, после чего осажденные сдались. С. Пиотровский записал в своем дневнике: «Стены (Острова. – А.М.) толщиной без малого в две сажени, сложены из белого камня... однако наши орудия разбили их; это превосходные орудия, хотя их у нас всего 20»²⁸. Здесь весьма примечательно, наряду с похвалой артиллерии, замечание автора о малочисленности орудийного парка – для борьбы с крупной крепостью двадцати пушек было явно недостаточно.

Немаловажную подробность сообщает также Р. Гейденштейн. По его словам, венгерские пехотинцы хотели идти на приступ, как только образовался пролом, но Я. Замойский «удержал их от нападения, не желая, чтобы войско понесло ущерб без нужды, тогда как его нужно было беречь в целостности для предстоящего важного дела»²⁹. Гетман явно учел опыт осад Полоцка, Великих Лук и Заволочья, когда штурмы обошлись осаждавшим чрезвычайно дорого. Вместе с тем он продемонстрировал готовность пойти на конфликт с собственными воинами, которых влекла в город жажда наживы. Интересно, кстати, что, по свидетельству С. Пиотровского, грабеж пленных все же состоялся, но носил, так сказать, организованный характер. «Русские

вышли из крепости, – пишет он, – у каждого отобрано все, только оставили по одной рубашке, а платье раздают пешим, которые все продают»³⁰.

К Пскову армия С. Батория подступила 24 августа. По словам Р. Гейденштейна, король, увидев мощные укрепления города, сразу же осознал, какие большие трудности его ожидают. «Он видел, – пишет хронист, – что приступил к осаде города, не имея достаточно пехоты, что если бы он хотел, не щадя величайших усилий, взять город приступом, то нужно было бы привести втрое больше, что у него не было и достаточных запасов пороха»³¹.

Тем не менее Баторий решил начать осаду и приказал разбить лагерь. Р. Гейденштейн пишет, что все надежды полководец возлагал на «доблестный дух и храбрость своих воинов»³². Думается, однако, что имелся у Батория и определенный, весьма рациональный, тактический план. Самой сильной частью армии короля была конница, которая, как пишет Гейденштейн: «ни в один из прежних походов не была... так блестяща и хорошо вооружена, как в этот»³³. Сильная конница вполне могла обеспечить королю победу в полевом бою, а потому он всячески пытался спровоцировать русских на крупную вылазку. Это стремление короля к полевому сражению четко прослеживается и по дневнику С. Пиотровского, и по хронике Р. Гейденштейна.

Защитники крепости, однако, не дали вовлечь себя в опасное столкновение. К тому же они продемонстрировали прекрасную координацию различных родов войск: пехоты, конницы и крепостной артиллерии. С. Пиотровский записал в своем дневнике 25 августа 1581 г.: «Наши наездники подъезжали под самые стены крепости, выманивая русских, но те не хотели выходить из-под выстрелов. Стояло их у самой стены несколько сот конных и пеших; когда их теснили, они отступали к стенам и старались отстреливаться из ручниц и самопалов; а когда наши отступали, они гнались за ними, но так, что оставались под защитой крепостных орудий»³⁴. 29 августа Пиотровский сделал такую запись: «После обеда некоторые выехали из лагеря на рекогносцировку, но без всякой пользы, потому, что русские ни на один шаг не хотели выйти

из-под защиты своих выстрелов»³⁵. Убедившись в бесплодности попыток выманить осажденных «в поле», Баторий не только перестал производить рейды к крепостным стенам, но даже запретил совершать их добровольцам, желавшим продемонстрировать отвагу.

Королевская армия перешла к правильной осаде. Воины, как и много раз прежде, копали по направлению к стенам шанцы, ставили, для защиты пушек, плетеные туры.

Однако на этот раз они столкнулись с чрезвычайно мощной артиллерией осажденных. Уже 25 августа в дневнике С. Пиотровского появилась такая запись: «Пушки у них (русских. – А.М.) отличные и в достаточном количестве; стреляют ядрами в сорок полновесных фунтов, величиной с голову: достанется нашим батареям и насыпям!»³⁶. 29 августа ксендз отмечал: «Ядра, летающие с башен, становятся все больше и больше; некоторые переходят за 50 фунтов весом; Бог знает, выдержат ли наши туры...»³⁷ 2 сентября автор дневника делает новую запись: «Русские сильно стреляют по окопам, бросают в них ядра в 70 фунтов и очень большие камни»³⁸.

Кстати, о впечатлении, произведенном псковской артиллерией на противника, очень хорошо знали и русские средневековые писатели. Автор «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» вкладывает в уста польскому королю такие слова: «Кто наставники мои, которые вели меня на Псков и говорили, что в Пскове нет больших орудий, что князь великий все орудия велел вывезти из Пскова? И что я вижу и слышу? Что у меня с собою, и в Литве нет ни одной пищали, которая бы так далеко стреляла!»³⁹

Нелишне заметить, что названные С. Пиотровским калибры ядер вполне соответствуют действительности. Пушки, бывшие ядрами в 70 и 50 фунтов, например, описаны в русском «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки», под теми же названиями, что применялись к орудиям такого калибра в Германии конца XVI в., – «василиск» и «соловей» соответственно. При этом, составитель «Устава», подъячий О. Михайлов, сообщает, что «василиски» и «соловьи» могут делать по 30 выстрелов в день, что, учитывая

вес снарядов, представляется вполне достаточным⁴⁰.

Известно также, что литейщики времен Ивана Грозного А. Чохов, С. Дубинин и др. отливали орудия даже больших калибров. Калибр же в 40 фунтов вообще являлся довольно распространенным. В 1590 - 1591 гг. мастер С. Дубинин отлил две такие пищали, «Свиток» и «Медведь», причем вторая из них в XVII в. состояла на вооружении Пскова.

Помимо размеров ядер, на С. Пиотровского произвели впечатление количество имеющихся в городе боеприпасов, их разнообразие, а также интенсивность стрельбы. Орудия крепости вели огонь даже ночью. 2 сентября Пиотровский записал, что русские открыли огонь по солдатам, копавшим траншеи, в полночь и «стреляли часто до самого утра»⁴¹. Еще более интересная запись была сделана 4 сентября: «Ночью русские употребляют удивительные хитрости против наших рабочих: не довольствуясь безостановочной пальбой, они бросают в окопы факелы и каленые ядра, так что не только причиняют вред нашим, но и освещают местность около стен...»⁴² 6 сентября Пиотровский вновь записал в дневнике: «Они опять поднимаются на хитрости: ночью бросают в наши окопы каленые ядра, которые освещают всю местность...»⁴³.

Упоминание «каленых» ядер здесь, скорее всего, является огрехом перевода О. Н. Милевского: раскаленный металл едва ли способен «освещать местность». Речь, скорее, идет об огненных ядрах или даже о специальных «световых» (осветительных) ядрах. Последнее тем более вероятно, что процесс изготовления «световых» ядер подробно описан в «Уставе» О. Михайлова и, по его данным, представляется совсем несложным⁴⁴.

С. Пиотровский сообщает также, что русские вели огонь разрывными снарядами – бомбами. Под 5-м сентября в дневнике имеется такая запись: «Бросают в окопы бомбы и каменные ядра, чем немало вредят»⁴⁵. Данное обстоятельство, как и приведенные выше факты, свидетельствует о том, что русская артиллерия находилась на весьма высоком для своего времени уровне развития. Многие европейские артиллеристы даже в начале XVII в. относились к бомбам с опаской,

считая стрельбу ими очень трудным делом. Крупный военный теоретик Д. Уффано в 1613 г. писал о бомбе как о снаряде «еще не бывшем в употреблении и опасном»⁴⁶. Тем не менее псковские пушкеры использовали бомбы, и весьма эффективно.

Сильные обстрелы заставили осаждавших воздвигать целую систему окопов и насыпей, установить двойной ряд туров. Бочки с порохом были укрыты воловьими кожами, дабы не допустить пожара⁴⁷. Однако противопоставить крепостной артиллерии такую же мощную осадную С. Баторий не смог из-за недостаточного количества как самих пушек, так и пороха. Поэтому он принял решение сконцентрировать огонь орудий на относительно узких участках обороны и попытаться пробить брешь. Как сообщает С. Пиотровский, к 7 сентября, когда были завершены основные военно-инженерные работы, осаждавшие выдвинули против крепости три батареи, на двух из которых стояло по 8 пушек (количество орудий на третьей батарее, за рекой Великой, Пиотровский не сообщает). Обстрел продолжался весь день. «Целый день без перерыва, – пишет Пиотровский, – били крепко в башни и стены»⁴⁸.

Руководили огнем, по данным С. Пиотровского, на польской батарее – Николай Уровецкий, а на венгерских – венгры, Карл Ишван и Янош Борнемисса⁴⁹. Гейденштейн указывает, что у поляков «пушками управлял» Вейер⁵⁰. Следует подчеркнуть, что все перечисленные военачальники обладали огромным военным опытом. Так, Николай Уровецкий отличился в 1580 г. при осаде Великих Лук, и особенно Заволочья, где он командовал десантным отрядом. Карл Ишван во время похода 1580 г., по сведениям Гейденштейна, руководил в армии Батория всеми венгерскими войсками (Гейденштейн Р. Указ.соч. С.130, 157, 161 и др.). Полковник Эрнест Вейер еще в 1579 г. выполнял поручения короля по вербовке немецких наемников, а в 1580 г. активно участвовал в осаде Великих Лук. В походах 1579 и 1580 гг. как способный военачальник проявил себя Борнемисса, который к тому же несомненно отличался личной отвагой. При осаде Великих

Лук он так близко подъехал к крепости, что едва не был захвачен русскими в плен и смог вырваться, только сбросив с плеч шубу⁵¹.

Таким образом, даже независимо от того, кто среди перечисленных лиц исполнил основные обязанности по организации обстрела, следует признать, что руководство им было поручено исключительно способным и знающим военачальникам. Как известно, обстрел привел к образованию двух брешей (проломов), после чего осаждавшие решились на штурм. Пиотровский отмечает, что венгерские воины хотели начать штурм немедленно, но король распорядился сначала произвести разведку, которую поручили сборному отряду численностью в 40 - 50 человек (поляки, венгры и французские наемники). Более того, Стефан Баторий специальным приказом запретил «выходить кому бы то ни было из окопов» до возвращения разведчиков⁵².

По всей видимости, король опасался, что войско, соблазненное перспективами грабежа, может просто выйти из повиновения и броситься на штурм самовольно. Как показали дальнейшие события, опасения эти имели под собой серьезные основания. О разведке сообщает и Гейденштейн, но он указывает, что она осуществлялась силами 50 немцев, поясняя: «...между ними находились люди, раньше принимавшие деятельное участие при осадах других городов»⁵³.

Получив сведения от разведчиков, король провел краткий военный совет, который принял решение о начале штурма. С. Пиотровский о ходе совета ничего не сообщает, а Гейденштейн пишет довольно подробно. Весьма интересно, что, по его данным, советников короля очень волновала опасность соперничества и, как следствие, плохая координация действий между польскими и венгерскими войсками. Один из поляков якобы даже заметил, что «всякая кошка охотится сама за себя», т.е. ожидать от венгров активной помощи полякам не приходится⁵⁴.

Для штурма, как и прежде, было решено использовать, наряду с пехотой, спешенную кавалерию. По сведениям Пиотровского, данная инициатива исходила от 5 кавалерийских ротмистров, которые просили Батория «позволить им пешими участвовать в приступе»⁵⁵. Хронист также называет имена

ротмистров: Пенионжек, Стадницкий, кравчий Мнишек, Андрей Ожеховский и Бокей. Гейденштейн среди кавалерийских командиров, пожелавших участвовать в штурме, называет Мнишека, Станислава Стадницкого, Прокопия Пенионжка и Оржеховского, не упоминая Бокия.⁵⁶ Практически все перечисленные лица являлись чрезвычайно заметными и влиятельными людьми из королевского окружения, участвовали в предыдущих походах Батория. Особенно интересно упоминание имени Юрия (Ежи) Мнишека (1548-1613) – отца знаменитой Марины Мнишек. Он выдвинулся еще при короле Сигизмунде II Августе, доверием которого пользовался. Надо заметить, что род Мнишков имел чешское происхождение и в Польше обосновался только в 1533 г., так что Юрию понадобилось много энергии, чтобы утвердиться в придворных кругах. Он имел репутацию человека неразборчивого в средствах и крайне расточительного, но образованного (учился в Кенигсбергском и Лейпцигском университетах), хитрого и храброго. Под Псковом Юрий Мнишек командовал собственным кавалерийским отрядом в 200 чел. Станислав Стадницкий проявил незаурядную храбрость во время похода 1580 г., а под Псков привел отряд в 140 воинов. Впоследствии он активно участвовал в событиях Смутного времени на Руси. Прокопий Пенионжек также был ветераном прежних походов Батория, под Псков привел 200 воинов.

С. Пиотровский чрезвычайно ярко описывает процесс вербовки командирами добровольцев для штурма: «Надев поверх брони белые рубашки, каждый вывесил перед своей палаткой хоругвь, давая тем знать, что охотники могут записываться к их знаменам... Удивительное дело, как много набралось охотников записаться в реестр! В белых рубахах, надетых сверх вооружения, держа в руках обнаженные мечи и кинжалы, они ходили друг к другу прощаться и писали завещания»⁵⁷. Хроника Гейденштейна подобного описания не содержит, зато в ней подробно охарактеризована расстановка королевских войск перед штурмом. При описании же самого штурма оба автора сходятся в том, что главной его бедой стали разрозненные и самовольные действия отрядов. Не отрицая

мужества псковичей и высоко оценивая отвагу королевских воинов, и Пиотровский, и Гейденштейн с явным осуждением отзываются о сумятице в рядах нападавших. При этом, однако, Гейденштейн обвиняет преимущественно немцев, а С. Пиотровский – венгров⁵⁸. Пиотровский также замечает, что вообще штурм был слишком поспешен: «Надо было бы подождать хотя один день, сделать пролом пошире, собрать о нем надлежащие сведения...»⁵⁹

На следующий день после неудачного штурма С. Баторий собрал военный совет. По данным Гейденштейна, одним из важнейших вопросов на нем стал вопрос о нехватке пороха, за которым было решено послать воинов в Ригу⁶⁰. С. Пиотровский 9 сентября также записал в дневнике: «...Хотя мы стреляли только два дня, а уже чувствуем недостаток в порохе... Русские в проломах, сделанных нами, снова ставят срубы и туры, и так хорошо исправляют их, что они будут крепче, нежели были прежде. Мы бы и стреляли в них, да принуждены беречь порох»⁶¹. Два дня спустя, 11 сентября С. Пиотровский почти с отчаянием сделал такую запись: «Помоги нам Боже! Решительно не понимаю, как это у москалей достает пороху и ядер; видно, у них нет недостатка, как у нас; стреляют день и ночь...»⁶² 12 сентября ксендз с горечью зафиксировал, что о нехватке у осаждавших пороха знали и защитники города, которые со стен кричали: «Какой это король у вас? Ни зелья (пороха. – А.М.), ни денег не имеет! Подите к нам: у нас и зелья и денег, всего много!»⁶³

В качестве утешения С. Пиотровский сообщает, что 12 сентября в лагерь прибыло подкрепление в виде отряда Стефана Белявского. Однако, по данным самого ксендза, основу отряда составляла кавалерия – 600 «порядочных гусар» и «сколькото пехоты»⁶⁴. Следует отметить, что упомянутый С. Белявский имел репутацию чрезвычайно опытного военачальника (он участвовал еще в войне Стефана Батория против Гданьска в 1577 г.), но одновременно был известен как давний и последовательный противник Я. Замойского. Одновременно с Белявским лифляндский дворянин Корф привел 100 немецких наемных рейтар.

Осаждавшие, таким образом, получили солидное подкрепление, но подкрепление преимущественно конное. Между тем для осады и штурма города нужна была именно пехота. Поэтому Пиотровский с особой надеждой отзывался о шотландских наемниках, которых должен был привести к городу Фаренсбек: «Мы с радостью их ожидаем; они храбро полезут на стены...»⁶⁵.

Между тем, как мощь обстрелов падала, защитники Пскова дополнительно укрепили его, фактически соорудив в проломе новую стену с бойницами. Не имея возможности разрушить городские укрепления силами артиллерии, С. Баторий и его командиры возложили основные надежды на их подрыв с помощью мин, заложенных в подкопы. Гейденштейн сообщает, что было сделано три подкопа, из которых два не было закончено, так как минеры встретили твердую скалу, а третий, который делали венгры, русские взорвали. Пиотровский, напротив, пишет о двух взорванных подкопах и третьем, «секретном», который уперся в скалу. В русской «Повести о приходе» указано, что подкопов было девять, причем каждый отряд вел свой подкоп, четыре подкопа отличались особенно значительными размерами. «Повесть» также с большой гордостью сообщает о подрыве 23 сентября вражеских подкопов защитниками крепости, которые копали навстречу осаждавшим свои «слухи»⁶⁶.

Успех оборонявшихся представляется вполне закономерным. В XVI - начале XVII в. русские воины, судя по всему, вообще хорошо владели всеми приемами минной и контрминной борьбы. Достаточно вспомнить, что при осаде Казани войска Ивана Горозного сами вполне успешно взорвали стены крепости. Предотвратить вражеские подкопы русским воинам удалось при обороне Смоленска от поляков в 1609 г. и при защите Троице-Сергиева монастыря в 1608 - 1610 гг.

Постоянные неудачи постепенно подорвали дух осаждавших, о чем постоянно и весьма откровенно писал С. Пиотровский⁶⁷. Недовольство солдат усиливалось тем, что начал ощущаться недостаток продовольствия и начинались осенние холода. 26 сентября С. Пиотровский отметил в своем дневнике: «Что будет с нами, Бог весть!

Нам уже не хватает ни сена, ни овса, ни другого продовольствия...»⁶⁸ 29 сентября он писал: «В пехоте большая нищета, которая усиливается с переменной погодой...»⁶⁹ В сложившихся условиях сразу же проявился один из главных недостатков наемной армии: не имея хорошего содержания, воины стали фактически выходить из повиновения и дезертировать. 8 октября в дневнике Пиотровского сделана следующая запись: «Солдаты... дезертируют от холода босые, без шапок и платья, страшно дерутся с жолнерами из-за дров, которые привозят в лагерь, отнимают друг у друга платье и обувь»⁷⁰. Усиливались столкновения между отрядами разной национальности.

Дабы спасти армию от распада, командование начало подготовку к новому штурму. Под 7 октября в дневнике Пиотровского говорится: «У нас приготавливаются к штурму, снаряжают лестницы, веревки, факелы; не знаю, к чему это; должно быть, хотят лезть на стены, так как разбить их мы не можем. Пехота с отчаянием ждет скорее штурма, говорит, что лучше погибнуть от руки врага, чем от холода да голода»⁷¹. Несколько позже ксендз уточняет характер приготовлений следующим образом: «Снаряжают лестницы, фашины с серой да молотки, которыми будут разбивать стены»⁷².

В данном фрагменте обращают на себя внимание два факта. Во-первых, предполагаемый штурм носит явно вынужденный характер. Во-вторых, осаждавшие отчаялись сделать пролом в городских стенах с помощью подкопа или артиллерии, а потому решили использовать прием, который с успехом применяли ранее: бросок воинов вплотную к городским стенам и их разрушение кирками и зажигательными материалами.

9 октября состоялся посвященный штурму совет. На нем, как пишет Пиотровский, наиболее активно выступали немецкие наемники, Фаренсбек и Вейер, и было принято решение начать штурм с трех сторон, под прикрытием артиллерийского огня («стрелять в него из орудий»), для чего, в свою очередь, нужно было дожидаться подвоза пороха⁷³.

Подготовка штурма сопровождалась большими трудностями. 11 октября защитники города произвели крупную вылазку, а

затем вылазки приняли постоянный характер. К тому же, доставленного из Риги пороха оказалось значительно меньше, чем требовалось. Тем не менее королевским войнам удалось поставить багарей для прикрытия огнем предстоящего штурма, а в их ряды наконец-то влились приведенные Фаренсбеком шотландские наемники.

Многие военачальники, однако, выступали против штурма, считая его бесперспективным. Ощутимо сказывались типичное для польских и литовских магнатов своеволие, готовность оспаривать и критиковать распоряжения короля, а также недовольство командиров задержками с выплатой жалованья. Особенно активно за снятие осады выступали представители литовского рода Радзивиллов и маршалок А. Зборовский, крайне враждебно относившийся к Я. Замойскому. Они даже потребовали определить срок, до которого войско будет оставаться под стенами города. 24 октября С. Баторий был вынужден собрать ротмистров и успокаивать их обещаниями скорейшей доставки денег, теплой одежды, продовольствия. Вместе с тем в речи короля прозвучала и угроза: «...Кто вздумает бунтовать или подстрекать других, то таких следует... смирять палочными ударами»⁷⁴. В ходе совета произошла резкая и очень характерная для армии Речи Посполитой стычка между Яном Зборовским и Яном Замойским. Зборовский, выслушав речь короля, заявил, хотел бы обсудить ее с ротмистрами. На это Замойский ответил, что, как коронный гетман, все претензии и пожелания от гетманов принимает он. Назначение же Замойского гетманом, надо отметить, вообще очень раздражало многих военачальников, так как он не имел ранее каких-либо военных заслуг, находился исключительно на гражданских должностях. Ян Зборовский, напротив, отличился еще под Гданьском. Немалую роль играло и то, что семья Зборовских (особенно брат Яна, Самуил) издавна вела против Замойского активную политическую борьбу. Король, однако, поддержал Замойского, Зборовский счел за благо отступить, сказав гетману немало лестных слов.

Несмотря на обещания, С. Баторию не удалось потушить недовольство в войске. С. Пиотровский записал по этому поводу:

«Некоторые из ротмистров бунтуют; собрались сегодня (24 октября. – А.М.) на сходку. Король в сильном гневе и, если бы мог, приказал бы, сняв рубашки, хлестать их по спинам и выгнать из лагеря»⁷⁵. Вслед за командирами все сильнее пренебрегали службой рядовые воины. «Литва, – пишет Пиотровский, – ни за что не хочет идти на караулы. Король посылал просить, но безуспешно»⁷⁶. Недостаток денег также подрывал надежды осаждавших на прибытие новых подкреплений. Так, 6 декабря 1581 г. Пиотровский писал о долгожданных шотландских наемниках: «Двести человек свежего шотландского войска идут из Риги, только нектати: нам нечем платить им»⁷⁶.

Несмотря на все приготовления, попытка разрушить стены кирками и лопатами также не принесла результата. Венгерские солдаты смогли подойти к укреплениям, начали их ломать, но защитники города наносили саперам большой урон и быстро восстанавливали все разрушенное. Любопытно, что польский и русский авторы, повествуя об этом эпизоде осады, приписывают своим войнам одинаковые приемы. Пиотровский пишет, что венгерцы «закидывают на стены острые железные крючья на длинных веревках и, зацепивши кого-нибудь за платье или руку, сбрасывают со стены»⁷⁷. По словам автора «Повести» защитники города подцепляли венгров крючьями, поднимали в воздух и расстреливали»⁷⁸.

Присланный из Риги порох позволил осаждавшим возобновить обстрел стен из пушек, но крепостная артиллерия вновь наносила им чувствительные ответные удары. 31 октября С. Пиотровский записал: «Сегодня была баталия. Наши стреляли в стену; но русские отплатили в десять раз... Не понимаю, откуда у них такое изобилие ядер и пороха? Когда наши выстрелят один раз, они в ответ выстрелят десять, и редко без вреда»⁷⁹. Здесь же ксендз вновь посетовал на недостаток в королевской армии материальных и людских ресурсов: «Не имеем ни пороха, ни ядер, ни людей, – а русские все более и более укрепляются»⁸⁰. С целью пополнить припасы, осаждавшие совершили военную экспедицию к Печерам, но попытка захватить эту крепость-монастырь успехом не увенчалась.

В начале ноября Стефан Баторий принял решение покинуть лагерь, чтобы полу-

чить в Польше и Литве деньги, необходимые для уплаты армии жалованья. К этому времени, как видно из дневника Пиотровского, раздражение воинов задержкой денег приняло крайние формы. «Между жолнерами, – пишет Пиотровский, – сильное волнение; между ротмистрами несогласие... Товарищи озлоблены на ротмистров, чуть не плюют им в глаза...»⁸¹ После отъезда короля из лагеря руководство осадой сосредоточилось в руках Я. Замойского. Комментируя его действия, Р. Гейденштейн указывал, что гетман, отказавшись от любых попыток штурма, надеялся установить полную блокаду города, дабы принудить защитников к сдаче «голодом и недостатком во всем»⁸².

Вместе с тем Замойский предпринял попытку спровоцировать оборонявшихся на крупную вылазку и завлечь их в засаду. Описание реализации этого плана содержится как у Гейденштейна, так и у Пиотровского, хотя и с некоторыми различиями. Гейденштейн сообщает, что Замойский укрыл в размытых дождями оврагах два конных отряда: венгерский и польский. Затем он приказал провести вдоль стен несколько телег фуражиров, которым надлежало послужить приманкой. «При первом виде добычи, – пишет Гейденштейн, – неприятели тотчас сделали вылазку, будучи завлечены в место засады, они скоро были разбиты поднявшимися оттуда венгерцами...»⁸³. Поляки, по мнению Гейденштейна, из-за того, что передвигались по крутому холму, вступили в бой на завершающей стадии. С. Пиотровский писал, что осажденные никоим образом не прореагировали на появление телег, а в засаду попали позже, когда погнались за неким поручиком Синявским⁸⁴. Тем не менее оба автора сходятся во мнении, что защитникам крепости был нанесен определенный урон. Победу поляков и пленение П. Колтовского описывал также иезуит А. Поссевино в послании к Ивану Грозному, явно желая оказать давление на царя и заставить его стать более уступчивым в мирных переговорах, которые начались в то время⁸⁵.

Интересен еще один факт: командиром польского отряда и Р. Гейденштейн, и С. Пиотровский называют Станислава Жолкевского, в будущем – весьма видного политического и военного деятеля. Гейденштейн, кроме того,

дает любопытную характеристику русских и венгерских кавалеристов, точнее – имевшихся в их распоряжении лошадей: «Несмотря на то, что венгерцы, находившиеся в первом засадном месте, были самые отборные всадники... и все имели превосходнейших турецких (фракийских) лошадей, тем не менее, они с трудом могли сравняться в быстроте бега с лошадьми русских, хотя последние большею частью малорослы и безобразны на вид»⁸⁶. Данная оценка весьма напоминает характеристики, которые давали лошадям русских воинов другие иностранные авторы, как, например, итальянский путешественник Марко Фоскарينو, писавший: «Их (русских. – А. М.) лошади ниже среднего роста, сильные и быстроходны»⁸⁷.

Как пишет Пиотровский, пленные сообщали Замойскому, что во Пскове начинается ощущаться недостаток продовольствия. Однако положение осаждавших в этом отношении было еще хуже. В декабре 1581 г. Пиотровский постоянно жаловался в своем дневнике на голод в королевской армии, на сильный холод и болезни. 7 декабря он, например, отметил: «Провиант достаем за 30 миль; лошади падают, люди тоже умирают в большом количестве, больных же очень много»⁸⁸. 20-м декабря датирована такая запись: «Один Бог знает, что будет далее; отовсюду на нас беды; голод, болезни, падеж лошадей»⁸⁹. Р. Гейденштейн очень подробно пишет о пагубном действии на войско «русских морозов», причем явно преувеличивает их силу, заявляя: «...Ни в каком почти другом месте, за исключением лежащих около Ледовитого моря, не бывает морозов более сильных, какие бывают в Псковской области»⁹⁰.

Морозы, по мнению Гейденштейна, мешали королевским воинам превратить стычку с русскими воинами во время какой-нибудь вылазки в крупное полевое сражение. Между тем именно так хотел действовать Замойский. Гейденштейн пишет по этому поводу следующее: «Замойский дал приказы вообще всем сторожевым постам при вылазке неприятеля... обходным маневром отступать к лагерю не только для того, чтобы легче было с более близкого места отправить им подкрепление, но и чтобы завлечь неприятеля и заставить его вступить в битву подальше от города»⁹¹.

По рассказу Гейденштейна, реализовать данный план удалось 4 января 1582 г., когда защитники города предприняли попытку напасть на лагерь осаждавших, из которого Замоиский специально, чтобы спровоцировать русских на вылазку, вывел войска. Гетману удалось быстро подтянуть к месту схватки венгерские и польские отряды, атаковать русских и нанести им серьезные потери (по данным Гейденштейна, было убито 300 русских воинов). Однако затем русские очень быстро отступили к крепости, под защиту артиллерии. Характерно, что один из польских командиров, Петр Грудзинский, был убит «выстрелом со стены из пушки большого размера»⁹². Следовательно, псковская артиллерия вновь активно поддерживала огнем действия участников вылазки. Гейденштейн с сожалением пишет, что полякам не удалось выманить русских достаточно далеко от крепости и «уничтожив их, почти покончить войну»⁹³.

Вскоре после данных событий военные действия практически прекратились. Правда, осаждавшие еще предприняли попытку убить воеводу Ивана Шуйского с помощью ларца, наполненного порохом и пищальными стволами, но тоже потерпели неудачу.

Героическая оборона Пскова сыграла колоссальную роль при переговорах между русскими и польскими дипломатам, ускорив заключение Ям-Запольского перемирия. Разумеется, важнейшими причинами того, что Псков остался неприступным для врага, были стойкость его защитников, мощь укреплений и артиллерии, полководческие таланты воевод. Однако следует отметить и некоторые вполне объективные недостатки войска Стефана Батория, явно повлиявшие на исход осады.

Во-первых, проведенные королем реформы касались в первую очередь конницы, и именно конница являлась особенно сильной частью его войска. Необходимая же для штурма крепостей пехота была слабее. С этим связано постоянное стремление С. Батория и, позже, Я. Замоиского спровоцировать русских на крупную вылазку, на полевое сражение. Здесь нелишне еще раз вспомнить слова Виженера о польских дворянах, которые «менее способны к осаде или защите крепостей, чем к сражению в открытом

поле»⁹⁴. Многочисленные иностранные авторы писали также о необыкновенной стойкости русских при обороне крепостей и относительной слабости в полевых сражениях. Об этом весьма выразительно пишет, например, Дж. Флетчер, опираясь именно на опыт Ливонской войны: «Русский солдат, по общему мнению, лучше защищается в крепости или городе, нежели сражается в открытом поле. Это замечено во всех войнах, и именно при осаде Пскова за восемь лет тому назад, где польский король Стефан Баторий был отражен со всей его армией... Но в открытом поле поляки и шведы всегда берут верх над русскими»⁹⁵. А. Гваньини пишет, что «крепости и всякие укрепления они (русские. – А. М.) защищают энергично и очень упорно», но в полевом бою «редко сталкиваются с поляками и литовцами, так как те их всегда рассеивают»⁹⁶.

Данные оценки явно не лишены основания. Хотя Иван IV хорошо осознавал необходимость модернизации русского войска и даже много сделал для ее осуществления (производство артиллерийских орудий, формирование стрелецкого войска, активный набор наемников из стран Западной Европы и проч.), новейшие для того времени приемы ведения полевого боя еще не получили на Руси достаточно широкого распространения. Столкновение «в поле» русского дворянского ополчения с польскими гусарами, немецкими рейтарами или наемной венгерской пехотой могло иметь (и зачастую действительно имело) самые печальные для русских последствия. Кстати, показательно, что воинам Батория удалось нанести русским ряд чувствительных ударов именно во время их вылазок из крепости, а также при попытках провести в крепость подкрепление. Однако руководители обороны, не отказываясь от вылазок, все же не дали королю втянуть себя в полевое сражение.

Во-вторых, сразу обращает на себя внимание то, что у С. Батория не имелось достаточно многочисленной артиллерии, больших запасов пороха и боеприпасов. Трудности с порохом, вообще, начались практически сразу же после начала осады, о чем много писал цитируемый выше С. Пиотровский. Против каменных стен города, дополненных дерево-

земляными укреплениями, королевская артиллерия оказалась практически бессильна. Едва ли могла увенчаться успехом и попытка разрушить стены с помощью факелов, лопат, кирок, как это делалось поляками и венграми при штурмах относительно небольших русских крепостей. На неэффективность обоих методов (обстрела и «прямых» действий саперов) очень точно указывал А. Поссевино: «Осаждавшие сбивали только зубцы, а стену, выступающую от пола до самого основания, не могли повредить ни молотками, ни кирками, настолько чтобы ее разрушить»⁹⁷. Напротив, в Пскове имелась многочисленная и хорошо обеспеченная боеприпасами артиллерия. При этом орудийный парк города был пополнен незадолго до начала осады новыми, весьма мощными пушками. Псковские пушкари активно использовали различные боеприпасы (в том числе осветительные снаряды), вели стрельбу очень метко и наносили противнику серьезный урон.

В-третьих, значительную часть армии С. Батория составляли наемники, что очень вредило ее сплоченности и дисциплинированности. Эту «наемную» суть королевской армии очень точно отметил еще Р. Виппер, который писал: «Стефан Баторий – один из предводителей пестрых наемных отрядов, начиная от Колиньи, Александра Фарнезе и Морица Оранского и кончая Валленштейном, мастеров военной техники, державших армию верой в свою счастливую звезду и на самом деле бесконечно изобретательных и изворотливых»⁹⁸.

В армии Батория, помимо поляков и литовцев, находились венгры, немцы, шотландцы, французы и даже итальянцы⁹⁹. Все они относились друг к другу враждебно, были склонны к грабежу и насилию (следствием чего нередко была резня, подобная Великолукской), легко выходили из повиновения высшему командованию. Так, несогласованные действия отдельных отрядов послужили, по мнению Пиотровского и Гейденштейна, одной из причин провала генерального штурма Пскова.

Руководство подобной армией действительно требовало от полководца немалой изворотливости и гибкости. Прав Р. Виппер и в

том, что залогом авторитета командира была «вера армии в счастливую звезду», т.е. вера воинов в победу, несущую военную добычу. Когда такая вера утрачивалась, армии грозил распад. Именно такая обстановка сложилась в войсках С. Батория под Псковом практически уже после первых неудач.

В-четвертых, дух неповиновения, недисциплинированности привносили, помимо наемников, польские и литовские аристократы, командовавшие отдельными отрядами. Многие из них считали возможным не выполнять приказы короля, ревниво оберегали свои «вольности», а к гетману Я. Замойскому относились с пренебрежением. Постоянные «сходки» ротмистров, их споры и раздоры с гетманом и друг с другом никак не способствовали крепкой дисциплине и порядку в армии.

Хотелось бы вторично подчеркнуть, что данные недостатки армии С. Батория никоим образом не умаляют всего сделанного героическими защитниками крепости. Скорее наоборот, заслуга руководителей обороны состоит, среди прочего, в умелом использовании и своих преимуществ, и недостатков противника.

Показательно также, что целый ряд особенностей в организации и составе войска Речи Посполитой, негативно проявившихся при осаде Пскова, сказывался и позже, например в период Смутного времени на Руси. Так, в 1604 г., при осаде войсками Лжедмитрия I Новгорода-Северского, первый штурм вновь осуществлялся силами спешенной кавалерии (польских гусар) и закончился неудачей. При этом, как сообщает участник событий шляхтич С. Борша, между самозванцем и польскими офицерами состоялась весьма характерная перепалка. На укоры Лжедмитрия в неспособности взять город поляки отвечали: «Не порочь нашей доброй славы, потому что все народы знают, что нам не диковина брать приступом сильные крепости. Хотя мы не обязаны ходить на приступы, но, оберегая славу наших предков, мы до сих пор не отказывались от этого и теперь не отказываемся, – прикажи только пробить дыру. Когда нам придется встретиться с этим неприятелем в открытом поле, тогда вы, милостивый царь, увидите польскую доблесть, которой теперь

не можете понимать»¹⁰⁰. Здесь вновь хорошо видно типичную для шляхетской кавалерии веру в решающую силу полевого боя.

При осаде в 1609 г. Смоленска поляки вновь испытывали сильный недостаток в пехоте и вновь надеялись в основном на немецких пехотинцев. Очень показательны, что состоявшийся при короле Станислав Жолкевский, участвовавший в молодости в осаде Пскова, сразу же верно оценил и силу Смоленска, и слабости королевской армии, тремя главнейшими «бедами» которой были: нехватка пехоты, артиллерии и денег на уплату жалованья наемникам. Сам С. Жолкевский писал впоследствии, что убеждал короля в бессмысленности обстрела города из имевшихся пушек и бесперспективности подкопов. Повествуя о себе в третьем лице, он отмечает: «Несколько раз напоминал Гетман Е.В. Королю, что нам нужно большее количество орудий и пехоты (которой было весьма не много), если хочет взять эту крепость... Но касательно умножения пехоты, Король отговаривался недостатком, что

не только не на что принять новой, но даже и этой горсти нечем платить»¹⁰¹. В качестве своего варианта осады С. Жолкевский предлагал блокаду города, без попыток штурма, т.е. план близкий к тому, что пытался осуществить Я. Замоиский в конце осады Пскова.

Впрочем, испытывая в начале XVII в. трудности со взятием крепостей, польские войска, как правило, по-прежнему оказывались сильнее многих потенциальных противников в полевых сражениях, причем сильнее именно благодаря отличной кавалерии. Именно это обстоятельство заставило выдающегося русского полководца периода Смуты М. В. Скопина-Шуйского искать новую тактику, которая позволила бы русской пехоте противостоять сокрушительному удару «гусарии». Однако вопрос о взаимовлиянии польского и русского военного искусства в начале XVII в., равно как и вопрос о влиянии на военное дело этих стран боевого опыта шведской армии короля Густава II Адольфа, является темой для вполне самостоятельной работы¹⁰².

Примечание

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 2002. С.753.

² Подробный анализ состояния вооруженных сил Речи Посполитой в правление Стефана Батория был предпринят польским военным историком Х. Котарским, но осада Пскова рассмотрена в его работе относительно кратко. См.: Kotarski H. Wojsko polsko-litewskie podczas wojny Inflanskiej 1576-1582. Sprawy organizacyjne. Cz.3. Studia i materiały do historii wojskowości. T.XVII. Cz. II. Warszawa. 1971.

³ Frost R. J. The Polish-Lithuanien Commonwealth and the «Military Revolution». - Poland and Europe: Historical Dimensions. Vol 1. Selected Essays from the Fiftieth Anniversary International Congress of the Polish Institute of Arts and Sciences of America. N.- Y. 1993. Pp. 19-47.

⁴ Блез де Виженер. Описание польского королевства. // Мемуары, относящиеся к истории южной Руси. Выпуск I (XVI столетие). Киев, 1890. С.76.

⁵ Там же. С.79.

⁶ Кирпичников А. Н. О единообразии в изготовлении русских средневековых артиллерийских орудий и их классификации // Fasciculi Arhaelgiae Historicae. Fasc. II. 1987. С.31.

⁷ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578-1582). СПб., 1889. С.99.

⁸ Цитируется по: Стороженко В. А. Стефан Баторий и днепровские казаки. Исследования, памятники, документы и заметки. Киев. 1904. С.5.

⁹ Гейденштейн Р. Указ. соч. С. 46.

¹⁰ Цитируется по: Стороженко В. А. Стефан Баторий и днепровские казаки. Исследования, памятники, документы и заметки. Киев. 1904. С. 6.

¹¹ Гейденштейн Р. Указ. соч. С.100.

¹² Там же. С. 94.

¹³ Там же. С.100.

¹⁴ Там же. С. 60.

¹⁵ Михайлов О. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. Ч.2. СПб., 1781. С.86.

¹⁶ Бухнер З. Учение и практика артиллерии или внятное описание в нынешнем времени употребляющей-

- ся артиллерии купно с иными новыми и во практике основанными маниры. М. 1711. С.93.
- ¹⁷ Отношения России и Польши в 1574-1578 годах, по донесениям папского нунция В. Лаурео // Журнал министерства народного просвещения. Ч.232. 1882. С.236.
- ¹⁸ *Гейденштейн Р.* Указ. соч. С. 61
- ¹⁹ *Дзялынский Л.* Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья с 1 августа по 25 ноября 1580 г. // Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Батория на Россию (1580-1581 гг.). Псков. 2005. С.198.
- ²⁰ *Гейденштейн Р.* Указ.соч. С.159.
- ²¹ *Дзялынский Л.* Указ. соч. С.226.
- ²² Там же. С.203.
- ²³ Дневник взятия замков: Велижа, Усвята, Великих Лук в письмах Яна Зборовского, кастеляна Гнезненского, к Петру Зборовскому, Воеводе Краковскому // Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Батория на Россию (1580-1581 гг.). Псков. 2005. С.151, 170.
- ²⁴ *Гейденштейн Р.* Указ.соч. С. 192.
- ²⁵ *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию // Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Батория на Россию (1580-1581 гг.). Псков. 2005. С.304-310.
- ²⁶ Там же. С.305.
- ²⁷ Там же. С.313.
- ²⁸ Там же. 319.
- ²⁹ *Гейденштейн Р.* Указ.соч. С.195.
- ³⁰ *Пиотровский С.* Указ. соч. С.320.
- ³¹ *Гейденштейн Р.* Указ. соч. С.203.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. С.206.
- ³⁴ *Пиотровский С.* Указ. соч. С.322
- ³⁵ Там же. С. 327.
- ³⁶ Там же. С. 322.
- ³⁷ Там же. С.327.
- ³⁸ Там же. С.332.
- ³⁹ Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С.363-364.
- ⁴⁰ *Михайлов О.* Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. Ч.1. СПб., 1777. С.15.
- ⁴¹ *Пиотровский С.* Указ.соч. С.331.
- ⁴² Там же. С.333.
- ⁴³ Там же. С.336
- ⁴⁴ *Михайлов О.* Указ. соч. Ч.2. 1781. С.117
- ⁴⁵ *Пиотровский С.* Указ.соч. С.334.
- ⁴⁶ Цитируется по: *Бранденбург Н. Е.* Исторический каталог Санкт-Петербургского артиллерийского музея. Ч.1. СПб., 1877. С.77.
- ⁴⁷ Предотвращение или тушение пожаров с помощью сырых кож активно применялось в войнах XVI-XVII вв. воинами самых разных армий, в том числе и русскими. Л. Дзялынский пишет, что среди трофеев, захваченных поляками в Великих Луках, были «20 воловьих шкур, которыми те (русские. – А. М.) хотели остановить пожар» (Дзялынский Л. Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья с 1 августа по 25 ноября 1580 г. // Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Батория на Россию (1580-1581 гг.). Псков. 2005. С.201). Сырые кожи для тушения зажигательных ядер использовали также воины повстанческой армии И. Болотникова в 1606 г., обороняясь в Коломенском (Хмыров М. Д. Артиллерия и артиллеристы в до-петровской Руси // Артиллерийский журнал. №9. 1865. С.513-514).
- ⁴⁸ *Пиотровский С.* Указ.соч. С.336.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ *Гейденштейн Р.* Указ. соч. С. 193.
- ⁵¹ Дневник взятия замков: Велижа, Усвята, Великих Лук в письмах Яна Зборовского, кастеляна Гнезненского, к Петру Зборовскому, Воеводе Краковскому // Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Батория на Россию (1580-1581 гг.). Псков. 2005. С.145; Гейденштейн Р. Указ. соч. С.128.
- ⁵² *Пиотровский С.* Указ.соч. С.337.
- ⁵³ *Гейденштейн Р.* Указ. соч. С. 207.
- ⁵⁴ Там же. С.208.

- ⁵⁵ *Пиотровский С.* Указ. соч. С.337.
- ⁵⁶ *Гейденштейн Р.* Указ. соч. С.209.
- ⁵⁷ *Пиотровский С.* Указ. соч. С.337-338.
- ⁵⁸ *Гейденштейн Р.* Указ. соч. С.209; *Пиотровский С.* Указ. соч. С.110.
- ⁵⁹ *Пиотровский С.* Указ. соч. С.339-340.
- ⁶⁰ *Гейденштейн Р.* Указ. соч. С.213.
- ⁶¹ *Пиотровский С.* Указ. соч. С.341.
- ⁶² Там же. С.342.
- ⁶³ Там же. С.343.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же. С.342.
- ⁶⁶ *Воинские повести Древней Руси.* М., 1985. С.382-383.
- ⁶⁷ См., например: *Пиотровский С.* Указ. соч. С.353.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же. С.358.
- ⁷⁰ Там же. С. 365.
- ⁷¹ Там же. С.364.
- ⁷² Там же. С.365.
- ⁷³ Там же. С.366.
- ⁷⁴ Там же. С.396.
- ⁷⁵ Там же. С. 401.
- ⁷⁶ Там же. С.432.
- ⁷⁷ Там же. С. 406.
- ⁷⁸ *Воинские повести Древней Руси.* М., 1985. С.384.
- ⁷⁹ *Пиотровский С.* Указ.соч. С.406.
- ⁸⁰ Там же. С.407.
- ⁸¹ Там же. С.412.
- ⁸² *Гейденштейн Р.* Указ. соч. С.236.
- ⁸³ Там же. С.238-239.
- ⁸⁴ *Пиотровский С.* Указ.соч. С.432.
- ⁸⁵ *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С.126.
- ⁸⁶ *Гейденштейн Р.* Указ. соч. С.239.
- ⁸⁷ *Донесение о Московии второй половины 16 века.* М. 1913. С.15
- ⁸⁸ *Пиотровский С.* Указ.соч. С.433.
- ⁸⁹ Там же. С.439.
- ⁹⁰ *Гейденштейн Р.* Указ. соч. С. 245.
- ⁹¹ Там же. С.248.
- ⁹² Там же. С.249.
- ⁹³ Там же. С.250.
- ⁹⁴ *Блез де Виженер.* Описание польского королевства. // Мемуары, относящиеся к истории южной Руси. Выпуск I (XVI столетие). Киев, 1890. С.79.
- ⁹⁵ *Флетчер Дж.* О государстве Русском // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск. 2003. С.86.
- ⁹⁶ *Гваньини А.* Описание Московии. М., 1997. С.17.
- ⁹⁷ *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С.45.
- ⁹⁸ *Виппер Р.* Иван Грозный. М., 1922. С.93.
- ⁹⁹ В дневнике Пиотровского итальянцы, кстати, упомянуты в характерном контексте: по словам ксендза, они «купили у казаков двух русских девушек, дав им за них по самопалу» и пытались «сделать им насилие». Наемник, продающий оружие, склонный к насилию, нарушающий приказы командования («артикулы» запрещали всякое насилие над местным населением), – весьма типичная картина. См.: *Пиотровский С.* Указ.соч. С. 354.
- ¹⁰⁰ *Борша С.* Поход московского царя Дмитрия в Москву с сендомирским воеводой Юрием Мнишком и другими лицами из рыцарства 1604 года // Русская историческая библиотека. Т. 1. СПб. 1872. С.373-374.
- ¹⁰¹ *Рукопись Жолкевского // Львовская летопись. Русские летописи Т. 4. Рязань 1999. С.555-556.*
- ¹⁰² См.: *Пенской В.В.* Попытка военных реформ в России начала XVII века // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 127-138.